

Время ММ. - 2003 - 20 марта - с. 7.

Суд Рихтера

Сегодня — день рождения Святослава Рихтера

В 1998 году известный музыкальный журналист Бруно Монсенжон опубликовал во Франции книгу «Рихтер. Диалоги. Дневники». Сейчас она вышла на русском языке (московское издательство «Классика-XXI»). Согласно редакционному предвидению, тексты Рихтера из книги Монсенжона сверили с оригиналом, хотя почему-то оставили без исправления многочисленные неточности этих текстов (в основном в написании имен).

Это чтение было бы нелегким для любого читателя, а для музыканта оно безумно трудно, поскольку содержанием «Дневников» является музыка. Понятия Рихтера накладываются на ваши понятия, раз вы музыкант, и подавляют вас. А если вы решили написать о «Дневниках», то есть о Рихтере в слове, вам делается совсем невмочь: нужно выбирать из лабиринта зеркал, отражающих великого артиста.

И ведь, кроме музыки, в «Дневниках» нет почти ничего. Это поражает. В дневниковом жанре испокон века запечатлевался весь массив пишущей личности, дневник «прикреплял» человека к жизни, и картина жизни была основой любого личного узора. Музыканты не составляли исключения (вспомним хотя бы о дневниках П.И.Чайковского, С.С.Прокофьева).

А здесь? В редчайших случаях проступает жизненный фон: один раз Рихтер вспоминает о какой-то «маленькой кошечке», один раз описал вид советского гостиничного номера. Очень мало говорится об эмоциональных состояниях Маэстро, и почти как гром с небес выглядит такая запись: «Настроение у меня катастрофическое — какая-то двойная депрессия».

Рихтер не желает для своих «Дневников» иного предмета, иной темы, кроме Музыка. Все остальное он готов называть «бла-бла» (презрительное рихтеров-

ское обозначение жизненной суеты и бытового человеческого общения). А Музыка живет в собственном времени и хотя бы поэтому образует параллельный мир по отношению к повседневности. Маэстро хочет пребывать в этом параллельном мире. Рихтер — герметик, если речь идет о реальной жизни. Музыка он открыт.

Он словно бы не делает выбора, музыка наступает его. И коль скоро речь идет о грандиозной личности, оправдывается предположение философа Мартина Бубера: «Мы отвечаем мгновению, но отвечаем и за него». В каждом фрагменте рихтеровского дневника читается ответственность за пережитое (услышанное) и в каждом присутствует коренное, немецкое значение фамилии Рихтер: «судья».

Суд решителен. Совершенно же ясно, что это лучшее исполнение этой симфонии. Может, кто-нибудь хочет поспорить?» (о Четвертой Бетховена под управлением В.Фуртвенгера). «Конечно, все не так, как должно быть и как хотелось бы...» (об опере Вагнера «Тристан и Изольда» под управлением К.Бема). «Это манерно, грязно, поверхностно, «халтурно» и банально» (об игре В.Горовица). «За такую постановку (знаменитый и талантливый Поннель) надо дать затрещину режиссеру или плюнуть ему в лицо». «Балет Бежара следует забыть навсегда». «Это было оскорблением искусства» (об опере К.Вайля). Во множестве случаев Рихтер не падит своих российских коллег, но тут я ничего не цитирую, потому что это и мои коллеги, и им будет неприятно.

По какому праву совершается такой суд? По праву герметичного сознания, присущего гению-художнику. И еще по праву абсолютного человеческого одиночества, также присущего гению. Сквозь рихтеровские «Дневники» проступает аб-

Для своих «Дневников» Рихтер не желает иной темы, кроме Музыка

страктная картина бытия, я бы выразился именно так. Это бытие без объемов, без второго плана, это существование вне юмора, который все смягчил бы и скрасил. Вот характерный отрывок из «Дневников»: «...специально в сочельник в Notre-Dame Парижа... Постигло страшное разочарование. Парижане воспользовались собором как местом для гулянья. Они громко разговаривали, шаркали ногами и вели себя абсолютно неприлично, не обращая внимания на сидящих посетителей, пришедших слушать духовный концерт... И это в этом городе, в этом соборе, в этой стране искусства!.. Какой позор!!!»

В подобном случае рассчиты-

ваешь на толику юмора (или иронии) и не получаешь ее. Рихтеровское зрение жесткое, и очень жестким выходит изображение. Вот еще — из другого ряда вещей: «...форма мюзикла мне глубоко антипатична», «Это мне сверхинтересно и несимпатично» — о песнях Высоцкого. Здесь уже жесточайшая сегрегация творческих явлений. И даже о коллизиях человеческого существования судит Рихтер как-то вполне отрешенно, с какой-то пугающей ясностью. Цитирую, опускаю имя, дорогое самому Святославу Теофиловичу и каждому из нас, музыкантов: «...она, по-видимому, страшно устала от суеты жизни, которую она же

себе устроила (правда, из-за высоких побуждений... я совсем не одобряю это)».

Картина не уравновешивается, а скорее отягчается тем очевидным обстоятельством, что Рихтер строжайшим судом судит самого себя. Мы видим это всякий раз, когда речь заходит о звукозаписях артиста, а он слушает их, не переставая. Конечно, исполнитель не запечатлевается иначе, чем в записях, и естествен интерес к тому, «что получилось», но в абсолютном большинстве случаев Святослав Теофилович не удовлетворен, и читатель «Дневников» наблюдает добровольные испытания, которым подвергает себя наш Маэстро. «Ну и это туда же в преисподнюю!» — вырывается у Рихтера по поводу очередной своей кассеты; но в дальнейшем слушание записей продолжается.

Испытанием была вся его жизнь. Великий груз герметизма, вынуждающего повседневно пребывать в ситуации «Я — Они» («Они» — это мир за пределами твоего одиночества). Вдвойне трудно артисту, находящемуся на людях. А крест гениального артиста есть нечто непредставимое. Ведь Рихтер не мог не чувствовать, что в его сторону обращены надежды широкого человеческого сообщества в нашей стране: наделись на милосердие, терпимость и свободу. И Маэстро за роялем утешал эти надежды. А теперь, читая «Дневники», впору подумать о цене, которую он платил за это.

Поразительно, что Маэстро не ждет и не хочет помощи. Будучи Судьей, почему он не судит ни от чьего имени? Я не ищу Бога на страницах «Дневников», но и не нахожу Его там. Рихтер наедине с собой и со своей Музыкой.

И все же невероятно трогательным образом пробивается в «Дневниках» нечто такое, что религиозный мыслитель назвал «предчувствием взаимности».

Разве не собеседника ищет Рихтер, когда пишет по поводу Рождественской оратории Баха: «Какая удачная тональность D-dur, не правда ли?». А к кому так горячо обращается он, прослушав запись Шестой симфонии Малера: «Только, *пожалуйста*, умоляю, после первой части — Andante... а не скерцо!! *Так лучше!*». «Мы все устали от музыки» — кого он здесь берет себе в союзники?

11 ноября 1995 года Святослав Теофилович сделал последнюю запись в дневнике и закончил ее словами о скрипичных сонатах Хиндемита, исполненных в 1978 году с Олегом Каганом: «Больше мы их не играли. Почему? Потому что были другие концерты и программы, а затем Олег покинул этот мир».

«Были другие концерты...», а возможно, и еще какие-то дневниковые страницы, не вошедшие в настоящий том. Через двадцать месяцев после того, как появились процитированные строчки, их автор также «покинул этот мир». Не следует предаваться иллюзиям относительно бессмертия артистов-исполнителей, даже таких, как Рихтер. На все Божья воля. Но в реальности существует звукозапись, а теперь вот еще и «Дневники».

Их не назовешь вечной книгой, они для этого слишком однотонны. Но это зеркало великого человека. Это его суд над жизнью. Нам, живущим, не хочется чувствовать себя даже и под таким судом, но влияние высокой духовной дисциплины мы принимаем с благодарностью. Той дисциплины, которая помогает нам видеть иерархию вещей в этом мире. Той божественной дисциплины, ради которой Рихтер в новогоднюю ночь слушает вместе со своими гостями Торжественную мессу Бетховена, прежде чем зажечь свечи на елке и поднять бокалы с шампанским.

ЛЕОНИД ГАККЕЛЬ